

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов,
спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы
спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ИРАНСКАЯ МИНА

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Иранская мина

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Иранская мина / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2023 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-181544-8

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». Осень 1943 года. В Тегеране готовится конференция глав государств-союзников. У советских спецслужб есть серьезные опасения, что немецкая агентура может сорвать высокую встречу. Группе майора Максима Шелестова поручено обеспечить безопасность нашей делегации. В Тегеране оперативники узнают, что незадолго до их прибытия в здание американского посольства проник неизвестный, после чего была взорвана машина начальника охраны дипмиссии США. Похоже, диверсанты готовы к самым смелым атакам. Шелестов разрабатывает ответный план, еще не догадываясь, какой необычный противник противостоит ему в этой схватке... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». — С. Кремлев

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181544-8

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Александрович Тамоников

Иранская мина

© Тамоников А. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

– Вон она! – Журналист Жак Шарбонно поправил берет на голове, сдвинув его на одну бровь, и плотоядно улынулся, как охотник, выследивший дичь.

Невысокая женщина, одетая неброско, но чисто по-европейски, шла к выходу с рынка. Здесь, в районе Азади, можно было купить очень недорого любые местные овощи и фрукты, приправы, мясо птицы.

– А кто она такая? – с сомнением спросил второй журналист, Арман Жобен. – Я в Тегеране всего неделю, но успел заметить, что в столице много европейцев. Она служанка чья-нибудь?

Они стояли возле кофейни и разглядывали стройную женщину лет тридцати пяти. Она не спеша шла вдоль прилавков с небольшой корзинкой, прикрытой платком. Жобен сдвинул шляпу на затылок и достал из пачки сигарету. Они стояли рядом, такие непохожие – два французских журналиста, работавшие в эти напряженные дни в Тегеране. Невысокий, плотный, темноволосый Шарбонно слыл неисправимым донжуаном, не пропускавшим ни одной юбки. Его быстрые карие глаза сводили с ума женщин всюду, где приходилось работать журналисту. Высокий, стройный и рассудительный Жобен не одобрял выходки своего давнего друга. Его на юге Франции ждали жена и две дочери, к которым он питал удивительную нежность, и другие женщины молодого журналиста не интересовали. И сейчас желание Шарбонно соблазнить незнакомку вызывало у Жобена только грустную улыбку.

– Ты неисправим, – покачал Жобен головой. – У нас с тобой есть прекрасный шанс встретиться с представителем американского посольства и получить отличный материал для наших изданий, а ты отвлекаешься на такие глупости. Сейчас вся иранская столица гудит в преддверии конференции глав стран – участниц антигитлеровской коалиции, а ты о женщинах думаешь.

– Арман, на свете есть множество мужчин, которые думают о женщинах всегда, в любой ситуации! – засмеялся Шарбонно. – Их называют жизнелюбами. А ты просто скучный прагматик.

– Ох, Жак, не искал бы ты себе приключений...

– В них вся моя жизнь, – заверил друга журналист. – Ну, я пошел! Увидимся вечером в баре у Джозефа!

Арман Жобен только покачал головой и двинулся в сторону гостиницы.

Жак, лихо заломив берет, поспешил за женщиной, скрывшейся в узкой тегеранской улочке. Он догнал ее через пару минут и замедлил шаг, залюбовавшись фигурой европейки. Интересно, размышлял журналист, она англичанка или американка? Точно не француженка. Впрочем, это и неважно. Но какая фигура, какая талия, какая изящная походка и поворот головы! «Мадам, – мысленно произнес француз, – я без ума от вас! Клянусь своим бойким журналистским пером, я уложу вас в постель уже на этой неделе!» И он прибавил шагу. Догнав женщину, Шарбонно снова замедлил свое стремительное движение, стараясь восстановить чересчур взволнованное дыхание, которое могло выдать его истинные намерения.

В какой-то момент он догадался, что женщина слышит его шаги и даже увидела его отражение в стеклянной витрине магазина на повороте улицы. Поправив волосы под элегантной красной шапочкой, она вдруг свернула между домами в узкий переулок. Журналист не успел сообразить, что здесь европейской женщине делать нечего, но смело шагнул следом. Женщина стояла у стены к нему спиной. «Она что, скрывает от меня лицо?» – удивился журналист. И тут же почувствовал за спиной движение. Он резко обернулся, но тут же на его голову обрушился удар, от которого из глаз брызнули искры. Шарбонно успел заметить мужское смуглое лицо, но, не разглядев его черт, француз провалился в темноту.

Он не видел, как женщина подошла к его распростертому на пыльных камнях телу, пнула ногой, а потом сказала кому-то на чистом английском: «Жди меня у машины».

Когда стемнело, группа собралась в личном вагоне Берии, в той части, которая являлась «кабинетом» всемогущего наркома. Шелестов сидел на крайнем стуле, ожидая появления шефа, и размышлял о том, что предстоит ему и его товарищам.

Их вызвали неожиданно и объявили о привлечении к операции. Платов, всегда очень старательно относившийся к вопросам подготовки группы и максимальному информированию, в этот раз больше молчал, лишь осведомился о физическом состоянии и душевном настрое оперативников. Возвращаться на базу он запретил, объяснив это необходимостью соблюдать максимальную секретность.

В результате группа провела время до вечера в одной из комнат на Лубянке, до холодка в спине похожей на допросную. Там установили раскладушки, и Платов велел всем отоспаться, насколько это возможно. Но, конечно, никому не спалось. Хотелось поговорить, посоветоваться, узнать мнение товарищей, но каждый понимал, что болтать и рассуждать в этих стенах не стоит. Поэтому оперативники лежали, глядя в потолок и думая каждый о своем.

«Если никаких вводных не поступит, значит, действовать придется на территории Советского Союза», – размышлял Шелестов. Любая операция за его пределами, за линией фронта, всегда требовала тщательной подготовки. Бывали, правда, исключения, когда группу бросали в неизвестность в силу сложившихся крайних обстоятельств. Но сейчас, как чувствовал Шелестов, Платов знал заранее о планируемой операции, но не считал нужным подготовить своих оперативников. Почему?

Когда машина въехала на грузовой двор пассажирской железнодорожной станции и из нее в слабом свете уличного освещения вышли оперативники, они увидели Платова. Комиссар госбезопасности стоял возле своей машины. Он подошел к оперативникам и коротко бросил:

– Быстро за мной!

Когда группа двинулась за ним к платформам, комиссар госбезопасности торопливо вполголоса продолжил говорить:

– Шелестов, идите рядом и слушайте. Вы сядете в поезд. У вас будет отдельное купе в вагоне охраны. Ни с кем в разговоры не вступать. Когда будет нужно, вас вызовет в свой вагон Берия. Он проинструктирует вас. Точнее, объяснит вашу задачу. Действовать придется самостоятельно, опираясь на свой опыт и интуицию. Даже Берия не все может знать и предполагать. Помните, что вам придется верить только друг другу и никому больше. С оперативниками нашей разведки вам почти не придется контактировать. Такова идея Лаврентия Павловича.

Шелестов слушал хмуро, стараясь не отставать от шефа. Идеальных условий, конечно, не бывает, но вот так ехать, не только не зная сути задания, но даже не имея представления, куда ты едешь, – это уже слишком. «Значит, на то есть свои причины», – пытался успокоить сам себя Максим Андреевич. Но спокойнее от этого на душе почему-то не становилось.

– Что случилось? – задал Шелестов только один вопрос, когда они остановились на запасном пути, где стоял неприметный поезд.

– Пока ничего, Максим Андреевич, – стиснув зубы, медленно процедил Платов. – И не должно случиться. Ничего. Это ваша основная задача. Удачи вам.

Поочередно пожав руку каждому оперативнику, комиссар госбезопасности проводил группу взглядом, наблюдая, как люди садятся в вагон. Платов и сам был недоволен тем, что отправляет своих подчиненных без подготовки, без информации, без четкого плана и без связи. Да, с сегодняшнего вечера он начнет готовить для группы все, что нужно: и информацию, и связь с агентурой. Но передать все это он сможет лишь после личного разрешения Берии. А что сейчас на уме у наркома, Платов не знал, хотя какая-то логика во всем происходящем была. Правда, Лаврентий Павлович не поделился своими умозаключениями даже с Платовым. Зна-

чит, не время. Значит, эта информация сейчас, на начальном этапе, может только навредить. «Ладно, подождем. Пока что надо работать», – решил Платов и решительным шагом двинулся назад к машине.

– В контору, – коротко приказал он водителю.

Поддержнув брюки, Юджин Смолл присел на корточки и заглянул в яму. Увиденное заставило его присвистнуть и сдвинуть шляпу на затылок.

Невысокий, темноволосый, он не бросался в глаза в иранской провинции, даже несмотря на то что носил вполне европейские костюм и шляпу. Но в Иране в 1943 году было много европейцев: и журналистов, и инженеров, и еще много разной братии, которая прибывала по приглашению иранского шаха и с разрешения оккупационных властей, чтобы помогать стране развиваться. И не только помогать, но и наблюдать за этим, держать руку на пульсе.

Так делал и Юджин Смолл, числившийся портовым инженером в Бушире. Еще в конце 30-х молодой оперативник ФБР Смолл из Южной Дакоты подавал большие надежды. Он взбирался все выше по карьерной лестнице, многие считали его славным малым и толковым контрразведчиком.

Особенно после памятного решения президента о санкционировании деятельности ФБР и в сфере политического сыска, и в сфере контрразведки. Война в Европе назревала, и большой вооруженный конфликт казался неизбежным уже не только политикам, но и большинству простых обывателей. С восточного Тихоокеанского региона тоже напоздали тучи. В итоге в июне 1939 года президент Рузвельт издал директиву, в которой разделил контрразведывательные и разведывательные полномочия между федеральными ведомствами. В ведение ФБР попало все Западное полушарие за исключением зоны Панамского канала, на военно-морское ведомство была возложена ответственность за Тихоокеанский регион, а американское военное ведомство стало отвечать за европейский и африканский регионы и зону Панамского канала. На Гавайских островах право действовать получили все разведывательные органы, поскольку в этом районе особую активность проявляла Япония.

В 39-м году Смолл попал в разведку. Однако работа в Латинской Америке не прошла для молодого специалиста даром. Дело в том, что, помимо обозначенных в директиве Рузвельта ведомств, традиционно разведывательной деятельностью занимался еще и Государственный департамент. Более того, как внешнеполитическое ведомство США он претендовал на ведущую и координирующую роль в сфере внешней разведки. К сентябрю 1939 года противоречия между Госдепартаментом и ФБР достигли своего пика. Перед руководством Штатов встал вопрос о том, кто будет координировать разведывательную и контрразведывательную деятельность. Президент разрешил спор в пользу ФБР.

Так, менее чем через год, Смолл попал в центральный аппарат ФБР как один из ведущих специалистов по агентурной работе. Связи и несколько удачно проведенных операций вынудили руководство перенацелить Смолла на Азию. Тем более что после июльской трагедии 1942 года в Перл-Харборе возможности военной и военно-морской разведок расценивались правительством как недостаточные.

Вскоре в составе незадолго до этих событий учрежденного Комитета начальников штабов было создано новое разведывательное ведомство, получившее название Управление стратегических служб. Через месяц Юджин Смолл стал сотрудником этого ведомства. Вопрос о составе группы специалистов управления, направляемых в Иран накануне визита туда президента, много споров не вызвал. В нее вошел и майор Юджин Смолл.

– Что это, Картрайт? – спросил Смолл своего помощника, кивнув на яму, в которой морпехи уже откидывали брезент, раскрывая содержимое тайника.

– Это снаряды, – пожал плечами помощник. – Насколько я понимаю, от орудий очень большого калибра.

– Именно, – хмыкнул майор. – Здесь, в этой дыре, в ста милях от побережья и ближайшего эсминца. Калибр этих игрушек более двухсот миллиметров, Картрайт. Это морские орудия. Гранаты и пулеметные ленты тут тоже неслучайны. Единственное цивилизованное место, для которого такой склад уместен, – трасса от побережья на север в сторону советской границы.

– Вы думаете, что это склад для подготовки диверсии на трассе ленд-лиза? Кто-то хочет подорвать караван с военными грузами для русских парней?

– Нет, это для того, чтобы рыбу глушить! – недовольно буркнул Смолл. – В одном из несуществующих в этой местности озер глушить несуществующую рыбу. Есть такой способ добычи пропитания, если вы не знали. Вот что: выставьте охрану и прочешите местность вокруг. Если обнаружите какого-нибудь заблудившегося пастуха или крестьянина, который не туда заехал на своей арбе, задержите и доставляйте быстро ко мне на допрос. Я пришлю машину. Погрузку осуществлять очень осторожно и только в ночное время. Здесь все оставить в таком виде, как мы с вами и застали. Устроить засаду. Кто-то же должен явиться за этими игрушками...

– А если нас заметили? Если кто-нибудь за нами наблюдает? Тогда никто, конечно, не придет.

– Умное замечание. И самое умное слово – «если». Никаких «если»! Необходимо отработать все, что успеем. Я подключу агентуру и наведу справки у местных. Они могли видеть чужаков, а тем более – чужаков с вместительным транспортом. Это ниточка, Картрайт, и ее нужно размотать осторожно и быстро. Это наша с вами работа.

Берия открыл дверь и негромко приказал: «Заходите». Группа вошла в ту часть вагона, где располагался кабинет наркома.

Несмотря на то что все окна литерного поезда № 501 были затемнены специальными шторами, Шелестов смог определить, что поезд идет на юг, к Закавказью. Что это могло означать, он не знал. Не хватало информации для того, чтобы сделать хоть какие-то предположения. Впрочем, сейчас все станет ясно.

Группа выстроилась справа от своего командира. Все были в армейской форме, смотрели спокойно, выжидающе. Лаврентий Павлович прошелся по кабинету, чуть наклонив голову, будто прислушиваясь к перестуку вагонных колес, затем остановился и кивнул на ряд стульев у стены.

– Садитесь. Разговор не будет коротким.

Оперативники переглянулись и начали рассаживаться.

Обычно Берия был более многословен, блистал рассудительностью, был склонен к использованию метафор, сравнений, стремился продемонстрировать свою точку зрения и образ мыслей. Но сейчас он замолкал после коротких брошенных фраз, будто погружался в глубокие раздумья и искал слова, чтобы выразиться точнее. Может, он еще не принял окончательного решения? Бывало и такое. Редко, но бывало. И нельзя сказать, что в такие минуты Берия шел на поводу у ситуации. Нет, нарком всегда стремился подмять ситуацию под себя, под свое мышление, перехватить инициативу.

– Вот что, товарищи. – Стекла очков Берии тревожно блеснули в неярком свете бра. – Дело, которое нам с вами предстоит, важное, очень важное. Я бы даже сказал, мы с вами находимся в центре исторического момента. И от нашей работы, от выполнения нами задачи, зависит история. История не только нашей страны, история Европы, но и история всей цивилизации.

Шелестов вдруг с неудовольствием подумал, что Сосновский сейчас удивленно присвистнет. Но оперативники молчали, не понимая, куда клонит нарком. Что за притча?

Берия правильно понял напряженное молчание группы. На миг в его глазах мелькнуло удовлетворение. Он сумел вызвать тревогу, дать почувствовать оперативникам всю сложность и необычность ситуации.

– Да, я не шучу, – резко бросил Берия и откинулся на спинку своего рабочего кресла. – Момент действительно исторический – и по важности предполагаемых результатов, и по важности последствий, если все сорвется. Скоро в Тегеране состоится встреча глав государств антигитлеровской коалиции. Да, да! В столице Ирана товарищ Сталин проведет встречу с президентом США Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Черчиллем. Важность этих переговоров невозможно переоценить, как невозможно переоценить и горячее желание Гитлера сорвать переговоры и воспользоваться тем, что лидеры стран – его противников окажутся за пределами своих государств, выйдут из-под прикрытия орудий линкоров, авианосцев, армад истребителей и миллионов штыков армии. Попытки покушения неизбежны, надеюсь, вы это прекрасно понимаете.

– Да, мы понимаем это, Лаврентий Павлович, – ответил за всех Шелестов. – Это логично и предсказуемо. Немцы в лепешку расшибутся, чтобы или сорвать переговоры, или физически уничтожить глав государств. Антигитлеровская коалиция сильна, три страны в состоянии поднять и повести на борьбу с нацизмом всю Европу. Сейчас не конец тридцатых и не сорок первый год, когда все было непонятно и когда многие главы государств еще испытывали какие-то иллюзии по поводу нацистской Германии. Видимо, нам придется противостоять германской разведке?

– Да, вы правы, Шелестов, – странно усмехнулся Берия. – Наша задача, задача советской разведки вообще и задача вашей группы в частности, конечно же, сводится к противоборству с германской разведкой. Защита лидеров трех стран от покушения, предотвращение любых попыток нападения или срыва переговоров. Но это узкая задача, товарищ Шелестов.

– Узкая? – опешил Максим Андреевич. – Извините, товарищ нарком, я не совсем понимаю. Куда же шире?

– Шире в том смысле, что противостоять вам придется не только германской разведке, а любой, которая предпримет попытку срыва переговоров или нападения на глав государств-участников и лично товарища Сталина.

– Значит, не все друзья, – в тишине раздался голос Сосновского.

– Там, в Тегеране, во время подготовки конференции и во время ее проведения верить нельзя никому! – отрезал Берия.

– Даже союзникам? – удивился Коган.

– У нас нет союзников в прямом смысле этого слова, – зло бросил нарком. – У нас временные попутчики, которым сейчас удобно стоять на подножке нашего локомотива. И они могут соскочить с нее в любой момент, как только им будет это выгодно. Откройте глаза, вы же не дети, вы советские чекисты! Что за блажь и фантазии! Советский Союз для капиталистов по-прежнему враг, ненавистный враг. Гитлеровская Германия пока для них страшнее, с ней надо покончить, но по пути надо не упустить возможности максимально ослабить СССР, измотать его в этой войне. О том, что будет после войны, речь на Тегеранской конференции и пойдет.

– Но ведь товарищ Сталин осведомлен о тайных помыслах своих «союзников»? – спросил Шелестов. – Он понимает, насколько опасно приезжать туда?

– То, что может сделать товарищ Сталин, никто другой за него не сделает, – покачал головой Берия. – Такова участь главы государства. Свести риск к минимуму – наша задача. Я вам больше скажу – никто из «большой тройки» не испытывает особых иллюзий. Каждая сторона попытается выторговать как можно больше пользы для себя, а «союзникам» оставить поменьше. Не верьте улыбкам лидеров и дипломатов. «Союзники», была бы их воля, вцепились бы нам в глотку в прямом и переносном смысле прямо сейчас. Но им надо нашими руками уничтожить Гитлера, потому что с фашистской Германией, кроме Советского Союза, не справится никто. Любая война – это прежде всего война ресурсов. Неограниченные ресурсы есть только у нас. И нас хотят заставить эти ресурсы потратить на Германию и оставить на послево-

енном европейском поле голыми и беззащитными. И навязать нам свою волю, растащить нас на куски, забрать наши ресурсы, на которые Запад давно точит зуб.

– Значит, мы одни в этой борьбе? – покачал головой Коган. – Один на один со всем миром?

– Не одни. Есть еще порядочные и умные люди на белом свете, – криво усмехнулся Берия. – Те, кто находится под пятой жадного капиталистического Запада. Мы знаем, кто хочет протянуть Советскому Союзу руку дружбы. И мы с этими будущими союзниками работаем. А нынешние... Сенатор от партии республиканцев господин Тафт прямо заявил, что победа коммунизма будет более опасна для США, нежели победа нацизма. А представитель демократов Гарри Трумэн высказался публично и без стеснения: «Пусть они убивают друг друга как можно больше». Да и премьеру Великобритании Черчиллю ненавистна сама мысль о возможности существования сильного Советского государства, тем более – социалистического.

– Понятно, – кивнул Шелестов. – Спиной, значит, поворачиваться к ним нельзя. Какова наша задача?

– Вы будете работать так же, как и другие наши группы по противодействию немецкой разведке, заниматься поиском агентуры и диверсантов. Но только вы облечены доверием активно реагировать, если вам попадет информация о враждебных помыслах, намерениях и действиях союзников по коалиции.

– Вы считаете, что возможна открытая вражда? – удивился Буторин.

– Открытая – вряд ли. Но западная политика – это многовековой опыт таскания каштанов из огня чужими руками.

Всю охрану посольства сменили за пятнадцать минут. Дежурившая ночью смена была разведена по отдельным комнатам для опроса. Очередная смена, выставленная на час раньше, проинструктирована самым жестким образом. Начальник охраны посольства США в Тегеране Маркус Такер отличался выдержкой и уравновешенным характером, но сейчас выглядел весьма озабоченным. Приезда президента ожидали буквально со дня на день. Точной даты сотрудникам посольства, а тем более охране никто пока не сообщал. Весь персонал был в эти дни, что называется, на нервах.

А тут еще и несанкционированное проникновение на территорию неустановленного незнакомца.

Небольшая дверь в каменном заборе была открыта. Ею пользовался обслуживающий персонал из местных, которых хорошо знала охрана и на счет которых имела распоряжение. В назначенное время кто-нибудь из охраны подходил к этой двери и впускал или выпускал служащего посольства – разумеется, после личного досмотра.

Сейчас дверь была не заперта. Более того, на рыхлой земле среди аккуратно подстриженного кустарника виднелись следы ног. Над следами склонился заместитель Маркуса – невысокий русоволосый, румянощекий мужчина.

– Что у тебя, Хигс?

Маркус поморщился, увидев, что следы ведут к окнам второго особняка посольства, где располагались хозяйственные и вспомогательные службы.

– Гиве¹, – пожал плечами Хигс. – Это местный. Иранец или человек, который специально надел местную обувь.

– Ты уверен? – Маркус присел рядом.

¹ Традиционная иранская обувь, состоящая из вязаного верха и матерчатой подошвы. Крепость подошве придает специальная старинная технология изготовления. Ее делают из свернутых и спрессованных льняных полос, вымоченных в растворе дракагантовой камеди. Иногда подошвы изготавливаются из кожи.

– Нет, не уверен, шеф. – Хигс покачал головой. – Дорожка следов слишком коротка. Возможно, что это европеец, который долго носил такую обувь и привык к ней. Смотрите, вот здесь и здесь шаг с пятки, как будто человек привык ходить в туфлях на каблуке. В местной обуви так не ходят, в ней сразу плотно ставят ногу на землю. Но до конца точно сказать все же трудно.

– Черт, где садовник? Мустафа!

Маркус поднялся на ноги и стал озираться со злым лицом.

Подбежавший охранник сказал, что Мустафы на территории посольства нет. Он пришел в девять вечера поливать цветники, и ему открыли дверь, как обычно. Но цветы не политы, а Мустафы нигде нет.

Выдержка, которой так славился Такер, улетучилась. Безопасность любого объекта – дело сложное и довольно нервное. Но когда ты отвечаешь за здание, в котором должен остановиться президент твоей страны, невольно занервничаешь. Тем более если в мире идет такая большая и тяжелая война.

Снова и снова сотрудники охраны проверяли все помещения, начиная с гаража, к которому, предположительно, вела цепочка следов. Прошло еще около трех часов поисков, когда к Такеру подошел его заместитель.

– Никого нет, шеф.

– Получается, кто-то проник на территорию посольства и не оставил никаких следов, кроме отпечатков подошв своей обуви на газоне? Дастин, кому и зачем это могло понадобиться? Или его спугнули и он не успел ничего сделать?

– Похоже на то, – ответил Хигс. – Но если его спугнули, должны были остаться следы панического покидания территории. Да и кто-нибудь из охранников должен был его заметить. А если никто не видел человека, тот мог совершить все, ради чего сюда проник.

– Заложить мину, например, – непросто. Она заметна, а времени у незнакомца на сокрытие своих действий не было. Заряд должен быть большим. Если это подготовка покушения на президента, он должен был попасть в кабинет Рузвельта или в спальню. Черт, да хоть в туалет.

– В дом не входили – окна закрыты, двери контролируются, – подтвердил помощник. – Я отправил людей на поиски Мустафы. Дома его нет, соседи ни вчера, ни сегодня его не видели.

– Слишком подозрительно, что пропал садовник. Пусть наши парни разберутся в его связях. Внуки, друзья, булочник, у которого он постоянно покупает хлеб, сапожник, который чинит его обувь... Ты понимаешь меня?

– Да, шеф, я уже распорядился, – кивнул Хигс. – Но мы не уверены, что незнакомца впустил именно садовник.

– Со дня на день прибудет президент, – отрезал Такер. – Мы должны быть уверены во всем. И в том, кто пропустил незнакомца, и в его целях, и в последствиях, и в отсутствии опасности.

– Слушаюсь, шеф, – кивнул помощник. – С вашего позволения, я хотел бы уведомить союзников о происшествии. Мы договаривались об обмене информацией, в том числе и оперативной. Мы должны сообщить об опасности в британское и советское посольства.

– Думаю, руководство уже доложило президенту. Я свяжусь с нашими коллегами. Полагаю, будет даже лучше, если мы поговорим лично, а не по телефону. Верить в этой стране нельзя никому, в том числе и телефонной связи.

Берия не вызвал Шелестова к себе, а велел ему выйти в парк и теперь ждал оперативника на одной из аллей. Максим сразу понял, что произошло нечто значительное и неприятное. Скулы наркома шевелились, а глаза смотрели на мир с недобрым настороженным прищуром. Увидев Шелестова, Берия сделал ему знак подойти. Заложив руки за спину, Лаврентий Павлович неторопливо двинулся по дорожке.

Помолчав с минуту, он наконец заговорил:

– Есть первый и крайне неприятный звоночек для нас всех. В посольстве США сегодня зафиксировали несанкционированное проникновение на территорию.

– Как так? – удивился Шелестов, прекрасно зная, как тщательно и серьезно охраняется территория посольства советского. – Как это могло произойти? Они там спали, что ли?

– Я договорился, что вы приедете и вас посвятят во все подробности произошедшего, – пропустив мимо ушей удивленные замечания, заявил Берия. – Главное, Максим Андреевич, вы должны сделать для себя правильные выводы, почему, каким образом и с какой целью на территорию американского посольства проник незнакомец. Я так понял, что следов его деятельности, подготовки покушения или организации прослушивания они не установили.

– Не успел? – сразу предположил Шелестов.

– Вот это вы и выясните. Будем учиться на чужих ошибках, а не на своих. Начальника охраны зовут Маркус Такер. Ранее он работал в каком-то американском разведывательном ведомстве, но не думаю, что этот человек в прошлом был матерым разведчиком – так, пятое колесо в телеге. По крайней мере, у нас на него серьезного досье нет. Это и хорошо, и плохо. Но за простачка его тоже не держите. Все-таки охранять такой объект дурачка не поставят.

Посольство США располагалось на красивой окраине Тегерана в районе Эндиреаре. Из центра города Шелестов ехал почти полчаса по узким улицам, то сбавляя скорость, то совсем останавливаясь. Жизнь в городе не кипела так, как в европейских или других азиатских столицах. Да и, положив руку на сердце, надо признать, что иранская столица выглядела бедно. Ближе к окраине машин стало заметно меньше, зато появилось много крестьянских повозок и выючных животных, от ослов до верблюдов. Правил дорожного движения для многих просто не существовало, и Шелестову приходилось пропускать то группу пешеходов, то животных, то повозки. В центре курсировали даже автобусы, но здесь, в этой пыльной зелени окраины, столица выглядела, как обычный азиатский захолустный городок.

Максим посматривал по сторонам. Женщин мало, и те, кого он видел, в большинстве были местными мусульманками, правда, с незакрытым лицом. Мужчины встречались как в национальных рубахах и чалмах, так и одетые в обычные пиджаки, брюки и кепки. Странное, но вполне объяснимое слияние культур и времен.

На его машину посматривали без всякого интереса – здесь привыкли к европейцам и американцам. А вот Шелестова появление еще одной легковой автомашины на улице заинтересовало. Темно-зеленый «Бьюик» вывернул с боковой улицы и двинулся в сторону американского посольства. Шелестов прибавил газу, рассмотрел номер и с удовлетворением констатировал, что это тот самый номер, который ему назвал Берия. Это была машина Маркуса Такера.

Снова какая-то арба с высокими колесами, вихляя распатанным корпусом, выкатилась на проезжую часть, и Шелестову пришлось остановиться. Он хотел было уже открыть дверь и заорать на иранца, чтобы убирался с дороги, но вовремя передумал. «Зачем? Я в чужой стране со своими особенностями и обычаями. Да и куда мне спешить? Маркус явно едет в посольство – там и поговорим». Арба свернула в переулок, и Максим продолжил путь.

И тут из-за угла, куда свернула машина американца, полыхнуло огнем, и улицу заволочло клубами пыли и сизого дыма. Земля дрогнула под колесами. От неожиданности Шелестов сперва нажал на тормоз, но мысль о том, что это была машина Такера, заставила русского оперативника надавить на педаль акселератора. Черный запыленный «Шевроле Мастер» Шелестова полетел по улице, едва не задевая повозки и столбы и уворачиваясь от шарахающихся в разные стороны пешеходов. Отчаянно давя на клаксон, Шелестов с нетерпением смотрел вправо.

Когда оперативник вылетел на перекресток, он увидел пустынную улицу, лежащий на боку темно-зеленый «Бьюик» и узкую темную дорожку разливающегося бензина, текущую в

сторону канавы на краю улицы. Откуда-то выбежали двое полицейских. Рванув ручной тормоз, Шелестов выскочил из машины и бросился к «Бьюику». Такер был внутри. Стекла разбиты, стоял сильный запах бензина. Еще миг, и карбюратор рванет от любой искры. Или, еще того хуже, бензобак.

Почти одновременно Шелестов и двое смуглых иранских полицейских добежали до машины Такера. Вытащить тело можно было только через проем лобового стекла, от которого остались лишь мелкие осколки, торчащие по краям уплотнительной резинки. Не сговариваясь, все трое принялись вытаскивать американца. Такер тихо постанывал, но сейчас некогда было осторожничать. Необходимо было поскорее извлечь его из машины и унести подальше. Нога раненого застряла где-то в районе рычага переключения передач, и Шелестову пришлось самому залезть по пояс в салон. Наконец полицейские, подхватив американца под руки и ноги, потащили его к стене дома напротив. Шелестов побежал следом.

Но тут за его спиной бахнуло так, что он мгновенно оглох с дикой болью в барабанных перепонках. Брусчатка проезжей части вдруг оказалась перед его лицом, и Максим едва успел подставить руки, чтобы не разбить лицо. Жар пронесся такой, что он испугался, что сейчас загорятся его волосы и одежда. Но вскоре этот жар слетел волной, и Шелестов, подхватив упавшую шляпу, бросился к полицейским.

Когда он подбежал к стене дома, один из иранцев поднял голову и сокрушенно покачал головой. Теперь Шелестов и сам увидел, что Такер мертв, – видимо, сильно повредились внутренние органы. Один из полицейских побежал куда-то, второй начал осматривать тело, проверяя карманы. Он вытащил и развернул паспорт погибшего. Последние сомнения отпали, это действительно был Маркус Такер. Шелестов огляделся по сторонам в поисках телефона. В этом районе найти его не так легко, а у иранцев по причине незнания языка не спросишь.

Представители американского посольства приехали быстро и даже на двух машинах. Шелестов сидел на каких-то ящиках. Его слегка подташнивало, голова гудела. Все-таки взрывной волной его долбануло не так уж и слабо.

Один из американцев спросил по-английски:

– Вы свидетель происшествия? Как это произошло?

– Нет, я не свидетель, – ответил Шелестов и встал на ноги. Собрав все свое знание английского языка, он добавил: – Я русский.

– Что? – Американец уставился на Шелестова красными от недосыпания глазами и потер пунцовые щеки. Затем он перешел на ломаный, но вполне понятный русский язык: – А, да, конечно. Меня зовут Дастин Хигс, я сотрудник посольства США в Тегеране.

– Максим Шелестов, – протянул руку оперативник. – Мистер Хигс, мы можем с вами поговорить более обстоятельно и не на улице? Я ехал к вам в посольство, когда все это произошло. У меня была назначена встреча.

– Разумеется, не здесь, – кивнул американец. – Идемте.

В кабинете, отделанном дубовыми панелями, Хигс предложил Шелестову сесть и задернул шторы. От предложенных кофе и виски русский отказался. Хигс потер глаза ладонями, потряс головой и снова поднял глаза на гостя.

– Так что у вас, мистер Шелестов?

– Я должен был встретиться с Маркусом Такером, – пожал Шелестов плечами, – но трагедия помешала. Что это было? Покушение лично на Такера или террористический акт в отношении американского гражданина? Или это связано с несанкционированным проникновением на территорию вашего посольства?

Хигс неохотно кивнул:

– Такер перед отъездом говорил, что приедет русский офицер, чтобы обсудить обстоятельства и совместные действия. Ну что же, я был заместителем Такера – мне теперь и при-

нимать решения. Да, случилось проникновение, и теперь у нас все в панике. И больше всего паники из-за того, что мы не поняли, куда и зачем проник неизвестный. Он не вор, потому что ничего не пропало. И не диверсант – мы не нашли ничего похожего на подслушивающее устройство, бомбу или что-то такое.

– Возможно, этот человек просто ничего не успел сделать, – предположил Шелестов. – Все-таки серьезная охрана, у него, может быть, просто не было шансов.

– Ладно, слушайте, Макс, давайте без церемоний. Проблема у нас общая, и, я думаю, работать надо тоже вместе. Вы ведь потому и приехали, что хотели узнать о происшествии? Тогда я вам скажу вот что: никакого покушения в нашем посольстве не планировалось. Только демонстративное проникновение, и все.

– Вы шутите? – удивился Шелестов. – Какой смысл в такой демонстрации?

– Не знаю, но, видимо, смысл все же есть. Посудите сами, Макс: незнакомец имел возможность несколько часов находиться на территории посольства. Моменты его проникновения и ухода не зафиксированы. Он проделал все тайно. Я передумал много вариантов причин и целей и никак не приду к какому-то определенному выводу. Хорошо, пусть он решил нас напугать, но дальше что?

– Возможно, это для того, чтобы убедить вашего президента не останавливаться в посольстве, убедить, что охрана или периметр ненадежны. Возможно, ваш президент решит остановиться в советском или британском посольстве. Но опять возникает вопрос: зачем злоумышленнику это нужно? Чтобы совершить покушение одновременно на двух лидеров? Но мы об этом узнали и теперь обязательно усилим охрану и меры безопасности.

– Черт побери, Макс, может, вы и правы.

– А может, и не было никакого злоумышленника, – снова заговорил Шелестов. – Вы не рассматривали такого варианта, что диверсантом был садовник?... Куда ездил Такер? В британское посольство? Почему его убили?

– Здесь все непросто. – Хигс поднялся, прошелся по комнате, остановился у окна, чуть отодвинул штору и посмотрел на улицу. – Шеф меня не ставил в известность относительно своих планов, не посвящал меня в свои оперативные разработки. Его агентура была только его личной агентурой. Но я думаю, что сегодня Такер ездил на встречу с кем-то из своих местных агентов. Дело в том, что наш садовник, которого мы тоже подозреваем в совершении этого преступления, исчез.

Шелестов и Хигс вышли во двор к задней стене, где располагалась неприметная дверь, через которую, предположительно, на территорию посольства попал посторонний. Здесь, в парковой зоне, кроны деревьев скрывали часть дорожек – удобное место, чтобы избежать внимания возможного наблюдателя. Следы сохранились плохо, но Хигс показал гипсовый слепок, который американцы сделали вчера.

– Местная обувь? – уточнил Шелестов, разглядывая непривычный рисунок отпечатка подошвы. – Вы в Тегеране, я думаю, не первый день. Что можете сказать по поводу отпечатка? Есть сомнения?

– Да, есть, – кивнул американец. – Обувь местная, думаю, что и изготовлена здесь. В Тегеране много кустарных мастерских. Но вот чья нога оставила след – это для меня вопрос. Люди, привыкшие к такого рода обуви, ставят ногу иначе, нежели европейцы или американцы, привыкшие к обуви с каблуком. Однако у нас нет достаточного количества следов, чтобы сказать наверняка. И этот незнакомец оставил следы по неосторожности, скорее всего, случайно. Но тем не менее подозрения у меня имеются.

– Ваш садовник мог оставить этот след?

– Мустафа? Я его ни разу не видел в национальной одежде и обуви. К нам он приходит в европейской одежде – в обычной брючной паре. И это не потому, что таковы требования

посольства. Он всегда так одевается. И ботинки он носит европейские. Кстати, у Мустафы размер ноги заметно меньше, чем у человека, оставившего этот след.

– Слушайте, а насколько вы доверяете садовнику? Мог он впустить врага на территорию? Я имею в виду, заведомого врага, а не просто знакомого, который захотел посмотреть на живых американцев, а потом рассказать об этом детям?

– А кому в этом мире вообще можно доверять на сто процентов? – невесело усмехнулся Хигс.

– Мне можно, – открыто улыбнулся Шелестов. – Так вы ответите на мой вопрос?

– До такой степени, конечно, не доверяем, хотя шеф его проверял и признал благонадежным и непричастным. Присматривали за ним и дальше сада не пускали.

– И, как водится, расслабились и потеряли бдительность?

– Я бы так не сказал, – уклончиво возразил американец. – Скорее, все шло, как по накатанной лыжне. Приходил, работал, никаких подозрений, никаких сомнений. Да, привыкли, но надзор не ослабевал, и доверия больше не становилось. Мустафа, видимо, хорошо запомнил все наши особенности, график смены часовых, маршруты и время патрулирования территории, вот и нашел буквально минутную лазейку в графике, когда эта дверь осталась без надзора.

– Дверь у вас запирается на обычный тяжелый металлический засов, – с иронией вставил Шелестов. – И это накануне прибытия президента.

– Заметили? – снова усмехнулся американец. – Мы собираемся установить замок с внутренней стороны. Мастер должен прийти завтра. Как видите, и тут нас опередили. Кстати, если вы хотели спросить – Мустафа знал о дате установки замка.

– Мустафу вы, значит, не нашли?

– Дважды ездили по адресу, опрашивали соседей, но результата нет.

– Дадите мне его адрес?

– Хорошо, – кивнул Хигс.

Глава 2

Шелестов и Буторин смотрели из окна советского посольства на то, что творилось на улице. А творилось там странное. Иранские рабочие под надзором английских военных выгружали доски и тонкие бревна. Выглядело это как подготовка к строительству крытого перехода из британского посольства в советское. Неужели чопорные британские дипломаты боятся дождя? А как же типичный образ джентльмена, опирающегося на большой сложенный зонт, как на трость?

В комнату вошел Берия. Он внимательно посмотрел на оперативников, потом тоже подошел к окну и выглянул на улицу. На лице наркома появилась язвительная усмешка.

– Хваленый британский лев, – сказал Берия.

– Что происходит, Лаврентий Павлович?

– Отныне все заседания будут проводиться у нас. Решение было принято после того, как президент Рузвельт согласился на приглашение товарища Сталина остановиться в нашем посольстве. Британский премьер согласился, но с одним условием. Вы его как раз и наблюдаете.

– Закрытый переход через улицу из одного здания в другое? – Буторин и Шелестов переглянулись. – Черчилль так боится покушения? Его так напугал факт странного проникновения в американское посольство постороннего человека?

Стекла очков наркома таинственно блеснули.

– Англичане об этом не знают. Американцы не поставили своих союзников в известность об этом происшествии.

– Как так? – удивился Буторин. – Уж, казалось бы, вот кто ближе всех друг другу – и такая скрытность!

– На этом настоял сам Рузвельт. Когда ему доложили о проникновении, он сразу связался с товарищем Сталиным и попросил его о помощи. Особенно он просил сохранить в тайне причину. Рузвельт или не хочет показаться параноиком, или не доверяет союзникам больше, чем нам. Возможно, англичане получили информацию от своего источника в американском посольстве, но я в этом сомневаюсь. Вот Максим Андреевич был там, он знает, что о происшествии в курсе единицы. Когда начальник охраны и его помощник переполошились, они провели обыск территории и здания, как при обычной проверке перед приездом первого лица государства. Настоящую причину знают два или три человека. Тем более что погиб Такер.

– Его помощник Дастин Хигс темнит, утверждает, что не имеет представления, кто мог совершить покушение на его шефа, – добавил Шелестов. – Мне это кажется невероятным.

– Значит, пока будем обходиться той информацией, которую имеем и которой можем доверять, – ответил Берия. – Платов прислал шифровку. Он даст нам своего агента, который говорит по-русски. Через него вы активизируете местную агентуру. Это немного, но эти люди знают страну, обстановку и местное население. Без этого соваться глупо. А еще я вам дам переводчика. Его зовут Юсуф. Максим Андреевич, он в полном вашем распоряжении. Берегите его, другого такого мне вам не найти. По крайней мере, быстро не найти, а времени у нас, как вы понимаете, не то что мало – его нет совсем. Цейтнот у нас с вами. Чем заняты Коган и Сосновский?

– Коган работает на южном направлении в зоне ответственности американцев, – ответил Шелестов. – Там проще всего добыть взрывчатку и оружие. Через порты проще доставить диверсантов и легализоваться. Сосновский работает в журналистской среде, с аккредитованными в стране европейцами. – Шелестов помолчал, потом спросил: – Лаврентий Павлович, вы не рассматриваете варианта, что, когда два лидера собираются в одном посольстве, их становится легче убить одним ударом?

– Вы полагаете, что немцы искусственно создали такую ситуацию, предполагая подобную реакцию Рузвельта? Смысл? В здании нашего посольства ежедневно будут собираться все три лидера государств антигитлеровской коалиции. Думаете, немцам стоило огород городить, рисковать агентом?

– А если это не немцы? – Шелестов медленно повернулся и показал на улицу, где между зданиями двух посольств рабочие строили крытую галерею.

Шелестов и Буторин вернулись в свою комнату. Открыв дверь, оперативники уставились на незнакомца, который сидел в кресле и читал свежую газету. Казалось бы, ничего необычного нет в том, что человек присел на минутку почитать прессу. Но в кресле сидел молодой человек лет тридцати, одетый в национальную иранскую одежду, которая не менялась в сельских районах и бедных кварталах уже лет двести. Шерстяные, зауженные к щиколоткам штаны, рубаха с широкими рукавами, безрукавка, отороченная по краям цветной материей. Был он смуглым, с обветренным лицом. Шелестов сразу отметил его руки с грязными ногтями, которые не видели ножниц, – видимо, обгрызенными или небрежно обрезанными ножом. А когда молодой человек поднял голову, окинув быстрым умным взглядом оперативников, когда он поднялся и чуть ли не вытянулся по стойке смирно, Шелестов сразу понял, что перед ним не просто мастер маскировки, а талантливый актер, умеющий создавать нужные образы.

– Прошу прощения, – чуть улыбнулся молодой человек. – Я с дороги и не имел возможности почиститься.

По-русски он говорил безупречно. И то, как этот незнакомец изъяснялся, лишний раз подтверждало, что это образованный человек и русский – его родной язык. Шелестов подошел и протянул ему руку.

– Юсуф Сакхатов. Прибыл в ваше распоряжение в качестве переводчика и помощника по вопросам местного населения.

– А вы неплохо маскируетесь, – оценил Буторин, в свою очередь пожимая руку переводчику. – У меня первая мысль была, что вы привезли овощи на кухню и у дверей сейчас стоит ваша раба.

– Стараюсь, – улыбнулся молодой человек. – Это вроде как мой хлеб. Да и добираться мне сюда пришлось районами не очень цивилизованными. Там легче затеряться, если не будешь бросаться в глаза. А в городах иранцы относятся друг к другу внимательнее. Цивилизация их испортила. Зависть, любопытство, желание на ком-нибудь или на чем-нибудь заработать. Это в сельских районах остался дух старой Персии – ты меня не трогаешь, я тебя не трогаю, и мне все равно, кто ты и куда идешь. Все мы под одним небом ходим и одну воду пьем.

– Ну да, – кивнул Шелестов, приглашая гостя присесть. – Аллах един, и все мы поклоняемся ему. Главное, что ты правоверный мусульманин, а до остального никому нет дела.

– Ну, не совсем так, – снова улыбнулся открытой улыбкой Юсуф. – Конечно, большинство иранцев исповедуют ислам, но все же заметна доля приверженцев и других религий. В Иране примерно десять процентов суннитов и лишь около одного процента других религиозных меньшинств: христиан, бахаев, иудеев, зороастрийцев, мандеев, синкхов, индусов...

– Ого, познания! Неплохо для сотрудника НКВД, – похвалил Буторин. – Или вы от армейской разведки?

– Я, собственно, от Московского института востоковедения.

– Студент? – удивленно вскинул брови Шелестов.

– Доцент.

– Ух ты! – рассмеялся Буторин. – Значит, специальной подготовки никакой, оперативного опыта нет. Но нам важнее ваше знание языка, обычаев страны, ее культуры. Как вас сюда доставили? Самолетом?

– Ну нет, – с достоинством отозвался Юсуф. – Я все сам. Перешел границу в районе Гор-гана, потом добирался на перекладных. В общем-то, нелегально, с поддельными документами. А на территорию посольства меня привезли на заднем сиденье машины, накрыв с головой одеялом, чтобы никто не видел моего лица.

– Шпион! – рассмеялся Буторин.

Шелестов постарался вернуть беседу в деловое русло:

– Ну ладно. Давайте к делу. Вам необходимо сменить гардероб, потому что ближайшие пару дней нам придется много общаться с местными на окраинах Тегерана.

Вечеринка в журналистском клубе была в самом разгаре. Конечно, было не так открыто и шумно, как это могло бы быть в любой европейской стране, но сам факт того, что в мусульманском обществе для европейцев, проживающих и работающих в Иране, разрешили открыть питейные заведения, говорил о многом. Например, о гибкости политики существующего руководства исламского государства и о том, что в стране действительно работает много специалистов из Европы и Америки. А это значит, что экономика, промышленность и деловая сфера страны развиваются, и развиваются успешно.

Сосновский сидел за столом с двумя французскими журналистами и потягивал джинс-тоником. Журналисты были молодыми людьми, довольно амбициозными, и имели свободные буржуазные суждения. Михаилу было интересно с ними общаться. Тем более что один приехал с юга Франции, не оккупированного гитлеровцами, а второй – из французской Африки. Высокий красавец Арман Жобен пил мало, но зато больше рассуждал и философствовал.

– Вся история государственности сводится к тем или иным попыткам проверки на прочность определенных формаций. Есть классические государства в стандартной, если хотите, форме и с нормальным, естественным развитием производительных сил. Тогда все идет мирно и спокойно, за исключением каких-то спорных, но закономерных вопросов. Но когда начинаются социально-экономические эксперименты в виде коммунистического государства, тогда ему невольно приходится выдерживать борьбу. Это как мутантам от природы приходится выживать среди обычных животных.

– Интересные у вас аналогии, Арман, – засмеялся Сосновский, который выдавал себя за аргентинского журналиста от свободной прессы. – И ассоциации. Значит, Советский Союз – это какой-то нежизнеспособный мутант? Мутанты всегда нежизнеспособны, но именно он уже два года перемалывает, успешно перемалывает самую современную, опытную и технически оснащенную армию мира и не сдается, не гибнет. Более того, этот мутант вот здесь, в Тегеране, решает судьбу мира с лидерами Великобритании и США. Может, вы где-то напутали в своих умозаключениях?

– Я понимаю ваш сарказм, Мишель, – кивнул журналист. – Франция продержалась против этой армии совсем недолго, но, может, в этом есть мудрость ее политики? Цивилизованной политики! Ведь даже не вся моя страна оккупирована, промышленность работает, рабочие получают зарплату, имеют средства к существованию, работают учебные заведения. В Советском Союзе же все разрушено, все горит и гибнут миллионы. Вы чувствуете разницу?

Сосновский не успел ответить – в разговор вмешался Жак Шарбонно. Журналист был сильно навеселе и заговорил, покачивая головой и ехидно улыбаясь:

– Знаешь, я тоже патриот своей родины, и я тоже ненавижу нацистов. Но твоя философия звучит как-то не очень красиво. Как в пацифистской воскресной школе. Значит, благословим тех, кто сдался и мирно живет под пятой вражеского солдата, а тех, кто сражается и не приемлет власти оккупантов на своей земле, мы будем порицать.

– Ах, я говорю совсем не о том, Жак, – недовольно поморщился француз. – Всегда ты передергиваешь понятия и смысл моих слов.

– Друзья, давайте не будем об этом сегодня! – вмешался Сосновский, делая вид, что его язык немного заплетается от выпитого. – Давайте хоть один вечер проведем в тишине и неге. Слушайте, а здесь есть приличные дамы?

– Вот это тоже к нему, – захохотал Жобен и ткнул пальцем в сторону Шарбонно. – Жак у нас главный специалист в этом деле. Он тоже задается этим вопросом, приезжая на новое место в другой город или страну. И отметьте, господа, всегда чудом остается жив!

Шарбонно ответил смехом и смущенно погладил свежую ссадину на виске. Сосновский сразу ухватился за этот жест. Реакция журналиста была слишком характерна, чтобы опытный разведчик ее не заметил. Особенно в контексте нового поворота беседы. Эти два француза вынуждены дружить, поскольку здесь, в Тегеране, практически нет французов. И что бы там ни говорили политики, французы – еще большие расисты, чем англичане или немецкие нацисты. В их культуре и литературе это просто сквозит. Надо этим воспользоваться.

Бабник Шарбонно все же не любил распространяться о своих победах, а примерный семьянин Жобен порицал наклонности своего приятеля. И когда он поднялся из-за стола, Сосновский тоже встал.

– Слушайте, Арман, нам с вами по пути. Пожалуй, я вас провожу, а то вы что-то неуверенно выглядите. Оставляем вас, Жак, – помахал рукой Сосновский второму французу. – Надеюсь, увидимся завтра возле советского посольства.

– Проваливайте, – махнул рукой журналист. – Завтра там ничего интересного не будет. Надо пользоваться и другими каналами информации. До встречи!

Они шли по улице, и Михаил то и дело поддерживал француза под локоть, когда того шатало в сторону проезжей части. Морщась от обилия алкоголя в организме, Жобен снова принялся философствовать. Его опять понесло рассуждать на тему войны, но Сосновский мягко и ненавязчиво перевел разговор к вопросу взаимоотношений мужчин и женщин. Неизбежно они снова заговорили о Шарбонно. И тут Сосновскому удалось выудить у перебравшего француза тайну ссадины на виске его приятеля.

– Надо же было прийти такому в голову, чтобы здесь, в исламском мире, попытаться познакомиться с женщиной на улице! Тем более имея целью ее соблазнение!

История ссадины на лице Шарбонно в голове Сосновского сразу приобрела конкретные очертания. Но в том виде, в котором она была прокомментирована журналистом, событие действительно выглядело нелепо. Поэтому Михаил решил использовать старый испытанный способ выуживания информации у ничего не подозревающего человека – сарказм и недоверие в чередовании с полным согласием и разделением точки зрения. Такие «психологические качели» часто помогали Сосновскому в работе за границей еще до войны.

– Вы правы, Арман, это просто верх легкомыслия – приставать к местной женщине, мусульманке, на улице. Тут не только по голове получить можно, можно и на кинжал в живот нарваться.

– Была бы мусульманка – я бы его удержал. Да он и сам бы побрезговал. Жак интересуется только смазливymi европейскими женщинами.

– Видимо, только замужними, раз любит получать за это по голове?

Такого рода болтовня длилась минут двадцать, пока они шли до гостиницы, в которой остановился Жобен. Но за это время француз, не имевший намерений рассказывать «аргентинцу» о приключениях своего приятеля, тем не менее, порицая и сетуя на его наклонности, постепенно выболтал почти все о том, что произошло пару дней назад с его коллегой. Получалось, что Жак увлекся какой-то молодой женщиной, европейкой, которую несколько раз видел на местном рынке. Хотя «несколько раз» вполне могло означать всего два раза. Для пылкой натуры французского журналиста достаточно и этого. И когда он увязался за женщиной с целью завести необременительное знакомство, получил удар по голове и свалился без чувств в каком-то переулке. Кто это сделал и почему, или Шарбонно не понял, или Жобен не смог рассказать,

но вариантов было два: либо это была попытка ограбления Жака, либо у женщины был телохранитель.

Собственно, насколько Сосновский понимал ситуацию в иранской столице, здесь грабежи, тем более в центральной части города, не процветали. Скорее всего, никто грабить Шарбонно не собирался. Да и гипотеза о европейке, которая ходит по городу с телохранителем, тоже не выдерживала никакой критики. Ну кто она такая? Царская особа? Можно было бы такое предположить, если бы речь шла о мусульманке, которая ходит по городу с закрытым лицом, – за ней незаметно приглядывает брат или человек, нанятый мужем. Но европейка!.. И тем не менее факт оставался фактом – когда француз догнал женщину и попытался с ней заговорить, ему врезали по голове чем-то тяжелым. И если бы за приятелем не поспешил Жобен, то неизвестно, чем бы все закончилось. Француз бежал шумно и окликал своего приятеля громко, на всю улицу. Мог и вспугнуть убийцу, если убийство планировалось. Но тогда ситуация поворачивалась иной стороной – неприглядной и зловещей. Кто, зачем, почему напал на французского журналиста? В этом случае женщина совсем ни при чем. Кто-то лишь воспользовался тем, что француз ушел с людного места, и его попытались убить.

Если целью было не ограбление, тогда остаются два варианта: либо профессиональная деятельность журналиста, либо его не совсем приличные наклонности, касающиеся женского пола. Он мог что-то узнать, и его решили убрать, а мог переспать с женой человека, который вот так решительно и конкретно мстит за оскорбление. Надо в этом случае разобраться. Черт с ними, с «рогатыми» мужьями – Шарбонно, сам того не подозревая, мог выйти на немецкую разведку. И это означает, что француз по-прежнему в опасности и за ним нужно приглядеть.

Они встретились на темной улице, в том месте, где через арык со сточной водой был перекинут шаткий деревянный мостик. Шелестов стоял в нише каменного дома с заколоченной дверью и похлопывал по руке свернутой газетой. Буторин под навесом закрытого магазина наблюдал за улицей в тридцати метрах от места встречи.

Иранец появился точно в назначенное время. Он быстрым шагом преодолел более-менее освещенный участок улицы и подошел к Шелестову. Одет он был вполне по-европейски, как и многие жители Тегерана, – пиджак, брюки, на голове мягкая шляпа. Край шляпы низко опущен, так что лица не разглядеть.

– Если вы ищете телефонную станцию, то она уже закрыта, – тихо сказал мужчина по-русски с сильным южным акцентом.

– А сколько сейчас времени? – задал условный вопрос пароля Шелестов.

– По местному времени двадцать два часа, а по берлинскому – двадцать один.

– Значит, в Берлине раньше наступит рассвет, – ответил Шелестов и протянул руку. – Здравствуйте, товарищ.

– Здравствуйте. – Мужчина ответил крепким рукопожатием и встал в нишу рядом с Шелестовым, чтобы его не было видно с улицы. Он заговорил с заметным волнением в голосе: – Думал уже, что война закончится, а я так и не понадоблюсь. Однако и эта страна оказалась в центре событий! Называйте меня Казбек. Я слушаю вас.

Буторин хорошо видел в полумраке ночной улицы газету в руке Шелестова. Виктор пришел на место встречи с агентом за час и успел осмотреть окрестности. Как появился Шелестов, Буторин не заметил. Это хорошо, значит, Максим не растерял навыки. Пока все было спокойно, ничто не давало поводов для беспокойства. Обычно, если агент под наблюдением врага, его не просто ведут к месту предполагаемой встречи, но еще и само место плотно прикрывают наблюдателями. Но для этого надо знать конечную точку маршрута подопечного, а она известна не всегда.

Мелькнула голова в шляпе, и снова темная фигура человека слилась со стеной дома. Ни звука, ни шороха. Буторин напрягся, нащупал за ремнем немецкий «вальтер». Вот незнако-

мец подходит к Шелестову, называет пароль... Они должны были уже закончить обмен приветствиями... Так и есть. Шелестов снова чуть похлопывает по ладони газетой – значит, все в порядке. Значит, пароль верен, и контакт состоялся. Буторин облегченно вздохнул. Трудно работать в чужой стране, не зная языка. Да, их группа, с ее опытом и спецификой проводить такие операции, была нужна здесь. Но язык! Поэтому нужны помощники, агенты со знанием языка, страны, ее обычаев и культуры.

Виктор стоял неподвижно под навесом магазина, полностью скрытый в тени. Он только собрался было осторожно переместить тяжесть тела на другую ногу, как вдруг заметил человека в черной кожаной короткой куртке и кепке. На ногах – сапоги, в которые заправлены военные бриджи. Или обычные узкие брюки, непонятно. И это был не просто прохожий. Пришлось замереть и дышать через раз, наблюдая за незнакомцем. Тот появился справа, оттуда же, откуда пришел агент. Это плохо. Это могло означать слежку. Даже попытку захвата. Нужно действовать мгновенно. Интуиция подсказывала, что это не мнимая, а реальная опасность.

Когда незнакомец в кепке поравнялся с ним, Буторин сделал шаг вперед и... выдал себя. У незнакомца оказались отличный слух и великолепная реакция. Виктор понял, что немного не рассчитал своих действий, а мужчина, едва успев повернуть голову и поняв, что перед ним один противник, тут же сделал почти неуловимый жест рукой, и в темноте тускло блеснуло лезвие ножа.

Несмотря на неожиданность нападения, Буторина больше беспокоила не собственная безопасность и не исход предстоящей схватки, а возможность предупредить Шелестова и защитить его и агента. Церемониться он не стал. Скорее всего, противник не один, и, скорее всего, сейчас начнется стрельба. Виктор поймал противника за кисть во время удара ножом снизу и тут же вывернул его вооруженную руку, заламывая ее за спину с таким ожесточением, что послышался хруст. Незнакомец вскрикнул, но Буторин уже выхватил нож из его пальцев.

Все-таки профессиональный опыт подсказывал, что этого человека надо брать живым, но рефлексы выживания в бою оказались сильнее. Когда Буторин боковым зрением заметил движение справа от себя, он, не мешкая, всадил лезвие ножа противнику под левую лопатку и развернул смертельно раненного человека в сторону новой опасности. Тут же темноту прорезали два пистолетных выстрела. Тело первого противника дважды дернулось от попадания пуль. Буторин выхватил свой пистолет и выстрелил в темноту. Второй противник упал, а Виктор прижался спиной к стене и быстро окинул улицу взглядом. Шелестова и агента в нише не было. Шума с той стороны тоже не было. Значит, командир не пострадал.

Справа мелькнул луч света автомобильной фары. Где-то рядом послышались гортанные крики. Встреча с новыми противниками в ночном городе Буторина совсем не устраивала. Как и знакомство с местной полицией. Убедившись, что Шелестов скрылся, он добежал до каменного забора и, оттолкнувшись ногами, подбросил свое тело вверх. Еще один взгляд вдоль улицы – и Буторин прыгнул вниз с другой стороны. Он хорошо изучил эту часть города и в кромешной темноте легко нашел проход на соседнюю улицу.

Через полчаса, обследовав гостиничный номер и убедившись, что посторонние в его отсутствие не появлялись, Виктор залез в ванну и закрыл глаза. Ему было о чем подумать.

Работа в порту кипела, краны снимали груз с прибывших кораблей и размещали их на разгрузочных площадках. Подходили грузовики, работали иранские портовые грузчики. Резкие предупреждающие звонки кранов, сигналы автомобилей, разноязыкая речь. Обычный день в грузовом порту.

Коган шел вдоль причалов и смотрел на советских водителей. Всего-то несколько дней в чужой стране, а уже смотришь на соотечественников с особым чувством. Да, трудно понять, представить себя в шкуре разведчика за рубежом, который лиц соотечественников не видит годами.

Коган всматривался в лица шоферов. Простые, утомленные, обожженные южным солнцем, обветренные пыльными иранскими ветрами лица. Обычные русские мужики, по большей части деревенские. Это видно по рукам, по суставам пальцев, по ладоням, по въевшейся в кожу земле, маслам. Натруженные руки русского мужика, который снова тянет на себе непосильный груз войны. Кто сказал, что на передовой тяжелее? Вы попробуйте, как вот эти, поработать в страшную, адскую жару, глотая пыль, когда во время движения толком ни поесть, ни попить. Когда каждую поломку надо устранять быстро, сбивая пальцы и надрывая живот. Когда люди падают в обморок, а потом встают и снова садятся за баранку. Потом короткий отдых, и снова в путь, снова по кругу.

Такие вот простые шоферы и везут на себе войну. Везут снаряжение, боеприпасы, топливо. Под бомбежками, взрываясь вместе со своими машинами, в лютую стужу, когда в кабине так же холодно, как и в степи, а тебе приходится еще и поднимать лобовое стекло машины, потому что через залепленное снегом замороженное стекло ни черта не видеть. И так на всех фронтах. И здесь, и в Ленинграде на Дороге жизни. Сколько их, ушедших на дно Ладожского озера вместе со своими машинами, грузом... ленинградскими детьми...

Сдвинув на затылок шляпу, Коган деловитым шагом обходил загруженные, готовые к рейсу машины. Спрашивал у шоферов приветливо, как дела, как настроение. Многие отвечали охотно. Когана здесь видели часто, в том числе и в сопровождении ответственных работников, «приемщиков» с советской стороны. Шоферы невольно воспринимали его как своего. Да и на папиросы Коган никогда не скупился.

В западной части порта располагался отстойник, откуда подавались на погрузку машины и где формировался очередной конвой. Здесь, на краю порта, было меньше производственного шума, здесь пахло морем, а не стройматериалами, слышны были шум волн и крики чаек. Коган и сюда заглядывал, чтобы после шума и гомона посмотреть на море, на горы и на чаек. Ну и с земляками перекинуться парой слов, узнать, как дела на родине.

На самом деле Борис изучал в том числе и шоферский состав конвоя. Это очень важно. Важны не только погрузка, маскировка и охрана груза. Не только исправность машин, которые, кстати, здесь и осматривают, и ремонтируют, если находят проблемы. Важно понять, как вообще сложилась система подготовки и реализации конвоя. Где слабые места, где возможны сбои и воздействие диверсантов. Где, в какой момент возможно подложить взрывчатку, взорвать машину или несколько машин, совершить нападение в пути. Вражеская разведка умеет делать всякое, в том числе находить слабых людей и делать их предателями. Нечему тут удивляться, это надо учитывать.

Этого быстроглазого молодого водителя, Матвея Горохова, Коган заметил давно. Было что-то в парне неприятное, крысиное. И дело не только во внешности. Борис, еще работая следователем особого отдела НКВД, давно обратил внимание, что черты характера и склонности оставляют след на внешности человека, на выражении его лица и мимике. Очень часто ему удавалось составить представление о человеке в первые же минуты общения с ним, просто разглядывая его лицо, манеру говорить, его взгляд, выражение глаз, жестикуляцию.

Коган был уверен, что этот парень имел судимость и на зоне ходил у местных авторитетов в шестерках. Только вот не брали сюда судимых, это было точно.

Подойдя к группе шоферов, Коган заговорил с ними о последней поездке, о родине, о дороге. Мужики с удовольствием угостились из портсигара Бориса папиросами и стали расходиться по машинам. Пошел к своему «стударю» и Матвей Горохов. Убедившись, что на него никто не смотрит, Коган не спеша двинулся за Гороховым. И когда тот, открыв дверь, поднял сиденье и стал перебирать инструмент, Коган спросил:

– Слушай, Матюха, я смотрю, тебя начальство не жалует, да и ребята сторонятся. Не сдружился ты с коллективом?

– А что они мне, – угрюмо ответил парень. – Я сам по себе, они сами по себе. Я детдомовский, я привычный.

– Тебе нужен старший товарищ, Матюха, который защитит и в трудную минуту поможет советом или еще чем. Я же знаю, вам тяжело в дороге, а частенько и местные к вам подходят. Мало ли что им нужно от водителя, который возит ценный груз.

Глаза Горохова суетливо забегали. Сразу стало понятно, что парень все понял, но никак не может решиться. Трусоват по натуре, да еще и подленький. «Ох, били его в детдоме, ох, били», – подумал Борис, доставая из кармана две пачки хорошей очищенной махорки фабричного производства. Он положил их на сиденье рядом с шофером и заговорил тише:

– Как тут у вас с местным населением? Контачите?... Мне можно рассказать, я тебя всегда прикрою и спасу – хоть от начальства, хоть от шоферов. Да и не узнает никто. Не в моих это интересах.

– Запрещено это, – таким же заговорщическим тоном стал отвечать Горохов. – Нельзя нам. Следят. Строго следят.

«Купился, – с удовлетворением подумал Коган. – А глаз у меня точен, ничего не скажешь. С третьего раза попал в нужного человека». И он сразу сменил тон на строгий, чтобы в нем чувствовалась не только забота, но еще и угроза. Нельзя в такой ситуации и в таком разговоре убеждать и просить. Только требовать и приказывать.

– Ты мне это брось! – хмуро и строго отозвался Коган. – Я лучше твоего знаю, кому и что здесь положено. Ты, если хочешь сладко жрать и тепло спать, если хочешь, чтобы начальство по головке гладило и по мелочам тебя не трогало, дружи со мной. Дай время, я тебя и в столицу заберу, если ты, конечно, согласишься мне. Ну, кто тут у вас с местными заигрывает, продукты меняет, другим способом якшается?

– Есть, есть такие, – медленно заговорил шофер, бледнея на глазах. – Только я сам. Если что про них всплывет, так они и меня потащат за собой. Как быть-то?

– Ты раньше времени не мельтеши! Если что будет, так я любому следователю или оперу замолвлю про тебя словечко. Мол, оперативная необходимость была, в доверие втерся по моему личному приказу. Никто не тронет! Ты, главное, со мной дружи, тогда не тронут. Ну, давай, колись, друг ситный! Про кого хотел рассказать?

И Горохов начал рассказывать, как еще весной, когда они получали и перегоняли в порту военные машины, шоферы продавали инструмент и топливо. Иногда даже паек и шоколад, который часто клали союзники в медицинские аптечки. Фактов было мало, да и говорил Горохов только о тех шоферах, которые на линии уже не ездили. Хитер парень. И выслужиться хочет, и не подставиться пытается. Но все же Когану удалось выудить у Матвея одно имя и один важный факт. Сам Горохов не придавал этому большого значения, вроде как пару раз был свидетелем и больше ничего не знал. Вот и решил Когану сдать информацию – так сказать, в довесок.

– Есть у нас тут среди перегонщиков один – Погорелов. Никифором его зовут. Так вот, в прошлый и в позапрошлый разы мы, когда шли здешними землями, останавливались в одном и том же месте. Там еще источник и вода чистая, в радиатор ее заливать милое дело. Ну и местные там тоже по воду ходят. Короче, бабенка там у него. Не то чтобы постоянная, но оба раза он к ней ночью бегал. И вещмешочек у него пузатый был с собой, а назад пустой приходил. Тешится он с ней, как женка она у него тут или полюбовница.

Коган несколько минут бился, пытаясь выяснить, что Матвей точно знает об этой женщине и ее отношениях с шофером Погореловым, а что и, самое главное, почему он сам себе надумал, нафантазировал. Ответ на последний вопрос нашелся быстрее всего. Погорелов въехал Горохову по морде месяц назад за высказывания в адрес женщины-военврача и начальника автоколонны. Обоих шоферы любили, оба работали здесь, не щадя себя, как говорится, на износ. Наверное, и правда между ними были какие-то отношения, но это их личное дело,

и лезть туда грязными ногами Матвею не позволили. «Значит, месть», – понял Коган. Но все равно утверждения Горохова были весьма серьезны.

Расспрашивать других шоферов о похождениях Погорелова было опасно. Будь это обычное режимное мероприятие, все было бы просто. Опросили бы три десятка человек, нажали бы на них. Допросили бы и самого нарушителя режима, приперев его к стенке показаниями. Сделали бы ему серьезное внушение о недопустимости и отправили бы, например, на фронт, на передовую. Но сейчас у Когана просто не было времени на такие долгие мероприятия. Вот уже месяц Погорелов общается с кем-то на трассе, причем общается тайно, а конференция глав государств антигитлеровской коалиции уже идет. И любой день промедления может обернуться уже хорошо подготовленным покушением.

Дождавшись вечера, Коган отправился к общежитию шоферов. Нужно поговорить с начальником автоколонны, вызвать Погорелова и основательно его допросить, даже если на это уйдет вся ночь. Борис был опытным следователем и надеялся, что сломать простого шофера ему удастся быстро. Ведь на допросах в свое время ему приходилось работать и не с такими арестантами. Он допрашивал генералов, матерых шпионов, затаившуюся злобную контру из белогвардейского подполья. И это зачастую были убежденные, закоренелые антисоветчики.

С сожалением посмотрев на свои пыльные ботинки в свете освещенной витрины закрывшегося магазина, Коган двинулся в сторону порта. Опрятный по натуре человек, он очень раздражался, что не было возможности погладить брюки и рубашку. Да что уж погладить – просто сменить. Но хотя бы бриться он старался каждый день. «Так недолго и опуститься», – понимал Коган. Одернув пиджак, поправив жилетку и кобуру под мышкой, он зашагал в сторону окраины, где располагалась советская автоколонна.

Пистолетный выстрел хлестнул в темноте, как кнутом. Коротая вспышка – и тут же послышался крик. То ли от боли, то ли от отчаяния. Еще два выстрела, и уже несколько голосов стали кричать в темноте. Загорелся прожектор на «вышке», где-то заработал автомобильный мотор. Громко разлетелось вдребезги стекло.

Коган сунул руку под пиджак и вытащил пистолет. Шум нарастал. Несколько пистолетных выстрелов подтвердили, что кто-то убегал, а кто-то догонял убежавшего. Самое главное – не попасть в темноте под чужие выстрелы.

Коган прижался спиной к кирпичной стене и отвел «собачку» курка. Сейчас в свете прожектора он хорошо видел часть улицы. Тем более что по ней уже метались лучи света от автомобильных фар. «Если перебежать через улицу и встать вон за теми ящиками у магазина, то беглец окажется прямо возле меня, и я его возьму», – решил Борис и собрался было броситься вперед.

В этот момент вдруг показался человек в короткой куртке. Он метнулся сначала в одну сторону, потому в другую. Кажется, несколько пуль, пущенных его преследователями, пролетели мимо, и незнакомец снова бросился бежать вдоль стены. Коган поднял руку и прицелился, стараясь попасть беглецу в ноги.

Сомнений в том, что это враг, не было – слишком много сил и средств охраны порта было задействовано для преследования. Но Коган не успел спустить курок – навстречу незнакомцу выскочили два американских солдата с автоматами. Беглец резко отпрянул к стене, выстрелил и, похоже, ранил одного из американцев. Второй разрядил в незнакомца полную обойму и, когда тот повалился на землю, вытащил из кобуры пистолет и осторожными шагами стал приближаться к телу. Коган выругался и, сплюнув, сунул пистолет обратно в кобуру.

На улицу вылетели два «Виллиса» с вооруженными людьми. Двое в военной форме и двое в гражданской одежде соскочили с подножек машин и окружили тело беглеца. Борис постоял немного, оценивая ситуацию, а потом пошел по улице, обходя ящики, чтобы амери-

канцы его увидели. Ничего удивительного, если они в неостывшем пылу погони начнут палить. Но это будет неприятно.

Когда он появился в двух десятках шагов от американцев, двое в военной форме резко обернулись и вскинули оружие. Коган с готовностью развел и чуть приподнял руки, показывая, что он безоружен. Его напряженно ждали.

Только когда Борис подошел совсем близко, его узнал Юджин Смолл.

– Это ты, Борис? – хмуро произнес по-русски американский разведчик. – Какого черта ты разгуливаешь по ночам в тех районах, где стреляют?

– Какого черта, Юджин, вы поднимаете стрельбу там, где я гуляю по ночам? – парировал Коган.

Американец усмехнулся и поднялся с колен. Он кивнул на тело, и его помощник с готовностью осветил убитого фонариком. Один из «Виллисов» подогнали поближе, и тот осветил фарами место происшествия. Коган разглядел человека в короткой куртке. Когда американцы в штатском перевернули труп на спину и принялись осматривать карманы, за пазухой у убитого оказался какой-то сверток из оберточной бумаги, перевязанный бечевкой.

– Что ты знаешь об этом, Борис? – спросил Смолл.

– Думаю, что знаю меньше тебя, – покачал Коган головой. – Я шел в порт к автоколонне по своим делам и услышал стрельбу. А кто этот человек и почему вы затеяли с ним перестрелку? И, самое главное, зачем вы его застрелили? Так вы не получите ответов на ваши вопросы.

Смолл хмуро посмотрел на одного из военных, тот опустил голову и шумно вздохнул. Кажется, это был тот, второй, который выпустил в беглеца автоматную очередь. Его раненого в руку напарника уже перевязывали во второй машине.

Юджин Смолл прекрасно знал, кто такой Борис Коган. Они не раз обсуждали свои дела, связанные с поиском и противодействием немецкой разведке. Никто из них особого приказа по поводу контактов друг с другом от начальства не получал, была лишь общая установка в интересах дела поддерживать оперативные контакты с разведкой союзников. Обмен стратегической информацией и общие планы обсуждались, конечно же, в более высоких кабинетах и людьми в более солидных погонах.

– Этого человека засекла охрана порта, – стал рассказывать американец. – Он пытался перебраться за ограждение, когда его окликнули. Его хотели задержать, но он начал отстреливаться. Остальное ты видел, я думаю.

– А это что у него? – показал Коган рукой на сверток.

Один из американцев положил сверток на землю, прощупал его пальцами, потом вытащил из кармана нож и разрезал бечевку. Когда бумага была со всеми предосторожностями развернута, все присутствующие увидели небольшие толстые штыри с короткими хвостиками и моток толстого шнура с характерным запахом битума. Это были детонаторы и бикфордов шнур.

– Где конкретно его заметили? – спросил Коган, осматривая огнепроводный шнур явно фабричного, а не кустарного производства.

– Неподалеку от ваших машин. Там, где находится бензохранилище.

– Да-а, – покачал Коган головой. – Шуму и света было бы много. Вы специально там держите побольше охраны?

– Ценность материалов и техники всюду велика. По этому принципу мы охрану не строим. Просто появились подозрения, что кто-то уже несколько раз прощупывал подходы к бензохранилищу. Глупо, что нам не удалось взять исполнителя живым. Оборвалась ниточка.

– Ладно, Юджин, у меня дела в порту, а утром нам с тобой будет о чем поговорить.

– Хорошо, Борис, приходи, – кивнул американец.

Глава 3

Шелестов – строгий, подтянутый, в форменной шинели с погонами подполковника – протянул полицейским свой посольский пропуск, и те вытянулись, отдавая русскому честь. Буторин и Юсуф, в опрятных костюмах и шляпах, как многие горожане и европейцы в Тегеране, стояли рядом и рассматривали два тела, лежащие у стены напротив навеса продуктового магазина.

– Что здесь произошло? – спросил Шелестов, пряча в карман пропуск. – Насколько это опасно для сотрудников советского посольства и советских граждан?

Юсуф начал переводить вопросы, а Буторин рассматривал тела. Они лежали так же, как и несколько часов назад, когда он убил этих двоих. Он хорошо помнил все, хотя было темно. Как они с Шелестовым и рассчитывали, иранская полиция не бросилась ночью осматривать улицы, где слышалась стрельба. О происшествии сообщил кто-то из местных, и наряд полиции прибыл на место, лишь когда окончательно рассвело и когда на улицах появились люди.

Пока полиция через переводчика общалась с Шелестовым, Буторин обошел место происшествия. Конечно, иранцы смотрели на это с неудовольствием, но не возражали. Виктор секунду за секундой воспроизводил в памяти вчерашнюю ночную схватку. Самое главное – понять, тела это тех людей, кто напал на него, или нет. И он снова вспоминал, даже не столько головой, сколько телом и ощущениями, как в живот ему полетел нож, как он перехватил его и вывернул руку. Потом вон оттуда второй дважды выстрелил. Стрелял на уровне груди. Так и есть, у первого – два пулевых отверстия на груди. А потом Буторин сам выстрелил, отпустив убитого. И он примерно вот так и упал у его ног. Второй тоже рухнул на спину, когда он всадил ему две пули. И рука правая с пистолетом на отлете. И пистолет на месте, примерно там, где он вывалился у него из руки.

«А ведь второй не иранец», – неожиданно пришла мысль в голову Буторину. Он присел на корточки и посмотрел в лицо убитому. Нет, не иранец. И не туркмен. Скорее, это араб. Или, может быть, пуштун.

Теперь надо осмотреть дорожку следов. Вот отсюда они появились. Но в городе – это вам не в лесу, какие тут могут быть следы? Если бы он порвал пиджак о железку на стене или испачкал ботинок в креозоте, тогда бы еще можно было говорить о чем-то реальном. А так... одни предположения. Даже неясно, они приехали на машине или пришли пешком. И, самое главное, за кем они следили? За агентом или за Шелестовым?

Наконец объяснения с полицией закончились, и русские получили заверения и гарантии, что никакие бандиты им не угрожают, что это единичный случай и полиция в корне пресечет подобное в дальнейшем.

Шелестов и Юсуф подошли к Буторину.

– Ну, что скажешь? – спросил Максим у переводчика.

– Да вроде говорили откровенно, – признался Юсуф. – Не думаю, что им есть что скрывать. Наверняка просто ночью стараются не выезжать на всякую стрельбу. Ну и к советским они относятся с большим опасением, нежели к преступникам. Нашего недовольства боятся больше. И недовольства своего начальства по этому поводу. Я пару раз, когда вопросы ваши переводил, ввернул ссылку на мнение их руководства – так один аж поперхнулся!

– Ясно. – Шелестов, не поворачивая головы, чтобы иранцы не поняли, о чем идет разговор, спросил Буторина: – А ты, Виктор, что видел?

– Думаю, это те, с кем я столкнулся ночью. Вроде бы тела не трогал никто, как упали, так и лежат. Больше здесь ничего не выудишь, ответов на вопросы здесь нам не найти. Второй явно не иранец, но нам это пока ничего не дает. Самый главный вопрос – за кем они шли, на кого охотились? На тебя или на Казбека? Хотели убить или только наблюдали? На меня напали,

потому что я оказался не вовремя рядом как ненужный свидетель, или они поняли, что я ваш? Короче, вопросов много, а ответов – ноль с копейками.

– Навыки?

– Навыки есть. Не сказал бы, что эти двое – профессиональные диверсанты, но они и не уличная шушера, с пистолетом и ножичком обращаться умеют. Да и реакция хорошая. Манера нанесения удара... поставленный удар, в общем.

– Может, и уличная шушера, как вы выразились, – неожиданно вставил Юсуф. – Выживает на улице кто? Те, кому дано овладеть приемами боя. Кому не дано, умирают первыми. Королями на улице остаются самые умелые и талантливые.

– Есть в этом резон, – согласился Буторин. – Но одеты они не как шушера. Хотя все зависит от ситуации. В любом случае надо будет попытаться получить в полиции данные на этих людей. Надеюсь, у них получится установить их личности.

– Если не смогут установить, это тоже будет ответ на наши вопросы, – усмехнулся Шелестов. – Ладно, этим я займусь сам...

Садовник жил один, на окраине в старом доме. В его деле не было указано никаких родственников. Это был двухэтажный дом, наполовину деревянный, наполовину каменный. Узкий переулок отделял его от другого дома, точно такого же ветхого и серого.

Сейчас было пусто, жильцы ушли или на работу, или на рынок. Буторин и Юсуф, одетые неприметно, в шерстяные полупальто и рабочие брюки, потолкались, посидели на лавке под деревом, потом обошли двор. Пасмурная погода только добавляла унылости городскому пейзажу.

Переводчик кивнул и вошел в дом. Деревянные ступени вели на второй этаж и были до ужаса скрипучими. Но подниматься оперативникам не было необходимости – две комнаты Мустафы располагались на первом этаже. Юсуф постоял возле двери, прислушиваясь, потом вопросительно посмотрел на Буторина. Тот с самым решительным видом кивнул. Переводчик надавил на дверь, и та со скрипом стала открываться внутрь. Юсуф замер, но в доме не послышалось ни звука. Тогда он мягко распахнул дверь и вошел. Буторин, держа пистолет наготове, шмыгнул следом и прикрыл дверь за собой.

Комната выглядела в высшей степени скромно. Деревянный старый шкаф без дверок у входа, истертый до дыр ковер у порога. Направо – вход во вторую комнату без двери. Во второй комнате, кроме большого старого ковра на полу и какой-то странной широкой лежанки у стены, заваленной самым разным тряпьем, ничего не было. Окно было заклеено газетой, а на подоконнике стояло множество банок, тарелок и всякой мелочи. Эта комната служила кухней, столовой, а еще, наверное, и санузлом. По крайней мере, канализацией здесь пахло основательно, хотя из сантехники имелась только железная раковина. Из других даров цивилизации – лишь электрическая плитка и турка для приготовления кофе. Также было много немытой посуды и самого разного тряпья. Невозможно было даже предположить, к чему относилась та или иная ткань, висевшая, скажем, на веревке у окна или на спинке стула. Это могла быть часть одежды, постельная принадлежность или, собственно, кухонная тряпка.

– М-да, – тихо произнес Юсуф. – Большие оригиналы ребята из американского посольства. Поприличнее человека не могли найти для работы в своем саду.

– Практичные люди, – пожал плечами Буторин. – Возможно, он очень хороший, знающий садовник, а плату попросил маленькую. Судя по его жилью, очень маленькую. Но только если это действительно его жилье, а не видимость для тех, кто придет проверять. Для нас с тобой, например.

– Вы его уже подозреваете? – не поворачиваясь, спросил Юсуф, обходя комнату и рассматривая вещи и шкафики.

– Исхожу из имеющихся данных. Он подозреваемый номер один по всем статьям и логическим выкладкам.

– Здесь никого не было примерно с неделю. – Юсуф провел пальцами по деревянной полке, на которой стояли баночки со специями, и показал пыльные пальцы. – Хотя вполне возможно, что так здесь было всегда.

– Так, давай работать. Некогда нам прохлаждаться. Обыскиваем все быстро и без лишнего шума.

Они не знали, что искать. Да и трудно было сформулировать даже для себя, что такого могло бы находиться в жилище садовника американского посольства, если он действительно подкуплен или просто поддерживает связь с немецкой разведкой. Надеяться можно было только на удачу, интуицию и на то, что под руку попадет какая-нибудь косвенная улика, подсказка, намек.

Через два часа Буторин велел заканчивать обыск.

– Все, Юсуф, шабаш. Бесполезно все. Мы с тобой даже не можем сказать, бывал он тут или нет. Может, этот адрес он специально назвал в посольстве. У нас есть еще один шанс. Пошли, за стеной в старом парке нас будет ждать человек.

Они вышли по одному, незаметно, и исчезли в путанице узких переулков. В этой части города днем было малоллюдно. Проедет арба, запряженная ослом, женщина пробежит к двери дома, крестьянин пронесет мешок на плечах. Может быть, редкая запыленная легковая машина проедет по узкой улице, едва не касаясь крыльями стен домов.

Через двадцать минут Буторин и Юсуф снова встретились под раскидистой старой акацией, где бежала в арыке вода и где, кроме камней и ящериц, вообще ничего не было.

Буторин пришел на место первым, вытер лоб и уселся на камни, пытаясь не выпускать из поля зрения как можно больше окружающего пространства. Что бы ни рассказывал Шелестов про безопасность, мирный нрав иранцев, лояльность правительства и разгромленную за эти два года немецкую агентуру в стране, верилось в безмятежность окружающего мира с трудом. Особенно после недавней ночи, когда Буторину пришлось отбиваться от двоих неизвестных во время встречи Шелестова с агентом. Личности убитых установить не удалось, понять, кого они выслеживали, тоже. И, между прочим, с этим же агентом сейчас и предстояла встреча. И хотя он был на связи с Платовым, чувства безопасности этот факт не прибавлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.